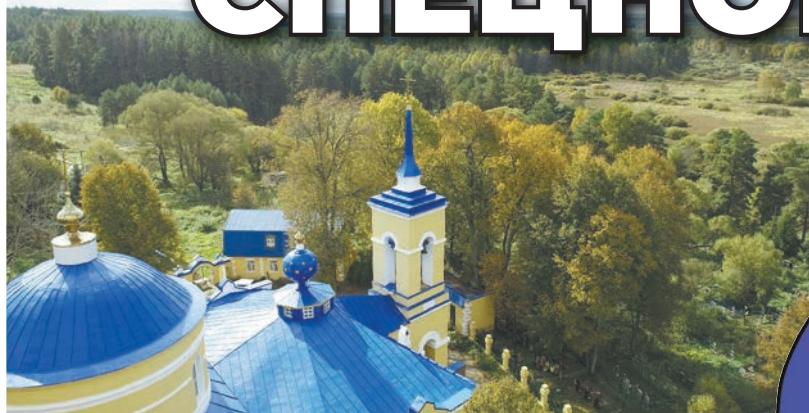

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ **БОРИСА ЗАЙЦЕВА**

СПЕЦНОМЕР

Церковь в селе Усты. Съемка 2021 года.

православная газета для молодежи

**ВЕРА
МОЛОДЫХ**

№ 1 (110)
25 марта 2022

Издается по благословению митрополита Калужского и Боровского Клиmenta.
Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви.

Юноши, девушки России, несите в себе Человека, не угашайте его! Ах, как важно, чтобы Человек, живой, свободный, то, что называется личностью, не умирал. Достоинство Человека есть вольное следование пути Божию – пути любви, человечности, сострадания. Нет, что бы там ни было, человек человеку брат, а не волк».

Как въедешь в село Усты, справа сразу увидишь массивный храм: желто-синий лайнер остановился здесь среди лесов и петляющей Жиздры, чтобы своими золотыми главами подать сигнал заблудившимся или заблудшим. А если проехать чуть прямо, то справа, на взгорье, любуется окрестностями и ловит сигналы «маяка» массивный двухэтажный дом. Слажен так, что простоял больше века, пережил войну и много всего повидал. Да вот равнодушие 21-го века, кажется, не переживет. Лет десять назад отсюда выселили всех людей, говорили – будут делать музей. Но с тех пор дом пустует, уже «улетели» окна – видимо, вернулись в прошлое, когда в эти окна на сказочную округу любовались дети и взрослые; внутри же полная разруха, дыры в полу и на стенах, в таких случаях говорят: «поеден дом молью времени».

А музей здесь был бы впору. В этом доме взрослел и открывал мир, то есть запоминал все, что видит, русский писатель Борис Зайцев. Он и русским-то стал именно здесь, писателем уже потом, в Москве.

Но стать русским в случае с Зайцевым оказалось даже важнее, чем писателем. Потому что он именно из тех, кто русскость вобрал в себя, а потом, в эмиграции, сберег, законсервировал. Для нас с вами.

Но мы не воспользовались.

Наши души, по большому счету, вряд ли теперь русские. Они больше походят на бывший усадебный дом в Устах: ветер гуляет, опоры подгнили, и если смотреть издалека, то вполне притягательно, а если поближе – отвернуться хочется.

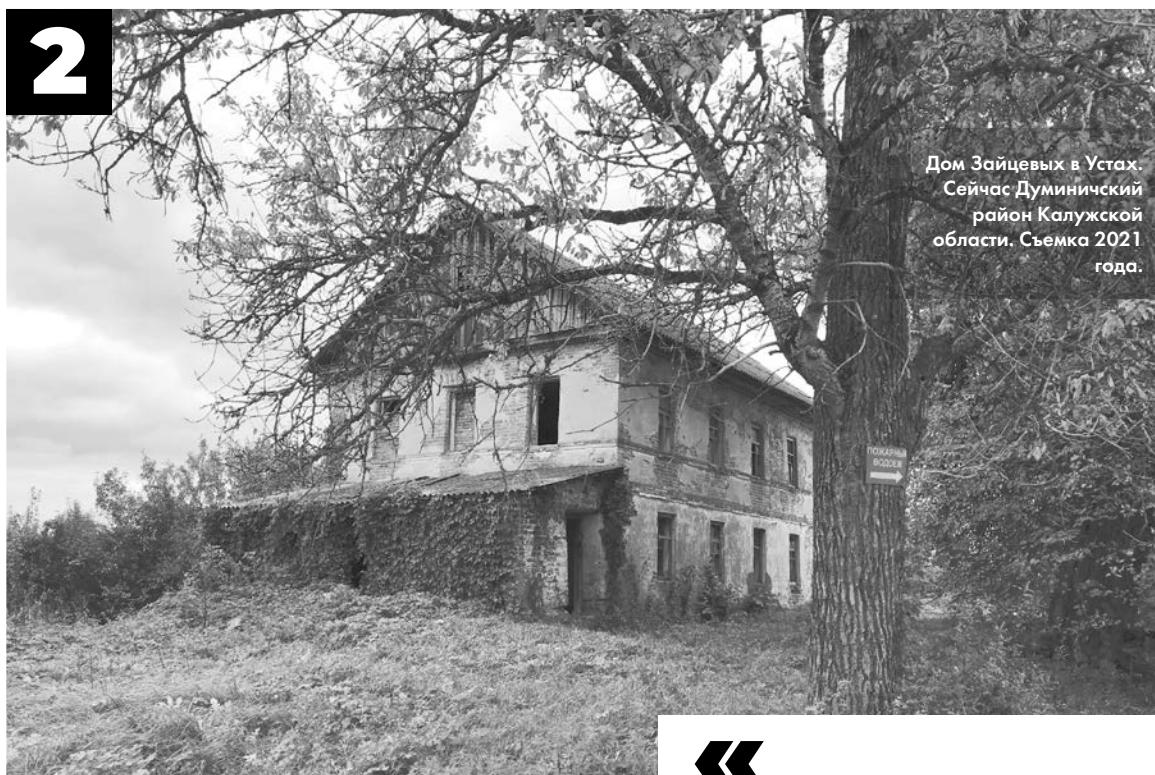
Бориса Зайцева в Устах привезли, когда ему был годик. Отец работал управляющим местным заводом, и Боря, в общем-то, рос барышком, хоть и «якшался» с крестьянскими детьми. С детства по-русски чуткий, он именно в Устах сделает главные наблюдения за русским человеком.

Взять ту же Воскресенскую церковь в Устах, родители Зайцева неверующие были люди, но большие православные праздники захватывали в свой хоровод даже атеистов. И что видит Зайцев? Вот утром крестьяне плачут в храме, стучат лбом и даже идут на Причастие, днем радостные добрые лица, все говорят, что надо бы сходить к старцам в Оптину пустынь, до которой рукой подать, все счастливы и благодать разливается по деревенским улицам, а вечером по этим же улицам пьяные мужики гонятся за своими бабами, что бегут спасаться к Зайцевым. Иначе же муж сгоряча может и прибить.

НАЧАЛО. Продолжение читай на стр. 2

МНОГО РАЗ РУССКИЙ

Дом Зайцевых в Устах.
Сейчас Думиничский
район Калужской
области. Съемка 2021
года.

ПРОДОЛЖЕНИЕ. Начало
смотри на стр. 1

Потом, уже став писателем, Зайцев точно скажет про русскую сельскую жизнь: «радость и грусть, поэзия и свинство». Четыре координаты, в которых застряла Россия.

Из которых не вырвалась до сих пор.

Но. Тут сразу важно сказать это «но», потому что вот уже больше тридцати лет мы не ищем глубины, и если говорится где-то, что писатель был не в восторге от русской жизни, то все его сразу записывают в либералы.

В том-то и отличие русского писателя от либерального – русский любит Россию такой, какая она есть, и каждого мужика, который искренне кается и также искренне потом срывает кресты и купола, и русскую бабу, которая бежит к старцу Амвросию, а на обратном пути заходит к местной колдуны поплевать на волосок. И каждый метр своей земли любит, и находит в них приметы рая.

И костры вдоль берегов Оки, и песни с плотов, и оркестры на пароходах – все это тоже можно заметить и полюбить. И, конечно, птиц. Без осмысления

птиц, как и без осмыслиния земли и реки не слuchаются русские писатели. Патриотизм, о котором так много нынче говорят, – он ведь не только с молоком матери входит, но и с шумом русского леса и колокольным звоном.

И если как русский человек Зайцев прозрел на берегах Жизды, то как писатель – на берегах Оки. Когда жил в Калуге и потом в имение под Калугой – в Бураках. Нет, он не написал здесь и строчки, но ту любовь, которая делает писателя певцом Неба и земли, он почувствовал здесь.

Понятно, что все наблюдения, эмоции, движения души накапливаются с годами, но случаются моменты, события, пусть даже незначительные, после которых человек меняется. Зайцев, для того чтобы стать русским писателем, достаточно было увидеть ярчайшую радугу, «невесомая арка» возносилась высоко над березами в серо-зеленое небо».

И в тот момент почти попапостольски он скажет: «Какая тышина! И какой мир. Какой отблеск неземной».

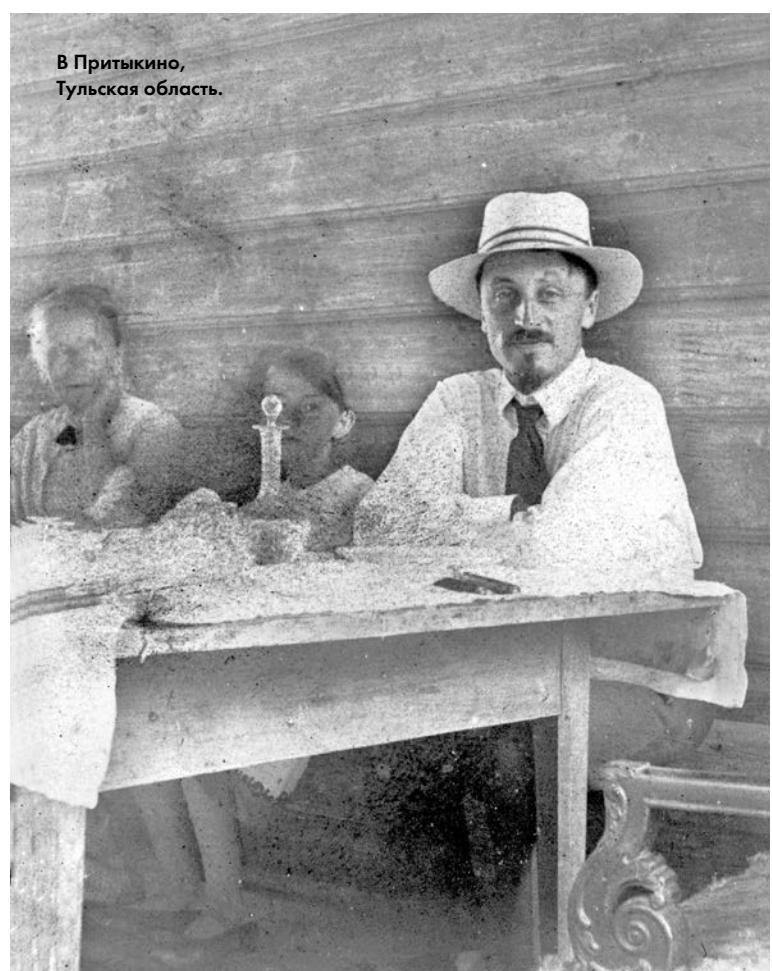
Приметы рая, Фавора и Эдема русский писатель видит, даже когда попадает в ад. Константин

Зайцев пережил катастрофы и революции, и эмиграции, и Второй мировой войны, но спасался всегда Россией святой. Это вообще только эмигрантам первой волны присуще. Взять того же Ивана Шмелева, друга Зайцева и тоже калужанина, хоть и на одно лето: он полуголодный, больной, под бомбежками вспоминает русское Лето Господне.

Зайцев и Шмелев, сюда еще имен двадцать эмигрантов можно записать, создавали одно Лето Господне и одно богоявление. Они, особенно Зайцев, в эмиграции много печалились по поводу того, что в России не успели посетить монастыри и храмы, в ту же Оптину пустынь Борис, например, так и не заехал, хотя мимо пролетал много раз, и в Козельске, что рядом с Оптиной, даже гулял подолгу и останавливался. Но именно Зайцев в эмиграции первым понял, что теперь им нужно прокладывать паломнические пути словом – в литературе, в газетах, и по этим путям

вести эмиграцию, европейского человека, да и тех, кто «отпрянет от сна» в советской России. О той же Оптиной пустыни Зайцев напишет блистательные очерки и, как истинно русский писатель, предречет колыбели старчества вечную жизнь и скорейшее возрождение. Скажет он эти слова в тот момент, когда козельский монастырь будет громить большевики.

И пока кривая наших мыслей не унесла нас к другой теме, скажем здесь со всей прямотой на примере Зайцева: русский писатель – это всегда про любовь к Родине и всегда про веру. Ну вот, накинутся сейчас многие, если

В Притыкино,
Тульская область.

«К ВЕРЕ ЗАЙЦЕВ ПРИШЁЛ ЧЕРЕЗ ПЕРЕЖИВАНИЯ»

Павел БАСИНСКИЙ

писатель, литературовед:

Ленинской библиотеке, я там читал Зайцева и был абсолютно восхищен!

И конечно, в особом ряду стоит его изумительная книга о Серги Радонежском. Вообще, Константина Зайцева сегодня же воспринимают именно как религиозного писателя. И он был человеком религиозным. Не сразу к этому пришел, в молодости был скорее пантеистом, как его друг Бунин.

А потом серьезные потрясения революционных лет, он потерял многих родственников в Гражданскую войну, сам чуть не умер от тифа, ну и потом эмиграция – тоже была не сахар. Потому что, с одной стороны, они спасались от гражданской войны, а с другой – кому они там были нужны? Шаляпин с его голосом – да, Рахманинов с его музыкой, которая взята всем – да, а писатель русский? У писателя же все завязано на языке, и потеря почвы, на которой этот язык произрастает, для русского писателя – огромное переживание.

Все эти переживания в итоге привели Зайцева к вере. И все его эмигрантские книги – это в общем-то о вере, о доброе, о людях, в которых горит свет.

Преподававший в училище священник не нашел нужных слов, не к Циолковскому же было идти за ответами? Космический гений хоть и преподавал в классе у Зайцева, да как-то остался незамеченным в мемуарах Бориса Константиновича. Циолковский о Зайцеве тоже никогда не упомянул. Они будто загода еще начали делить Калугу на колыбель космическую и колыбель духовную.

Был еще шанс у Бориса Зайцева вонцерковиться в юности. Я про знаменитый визит Иоанна Кронштадтского в Калужское реальное училище. Зайцев почему-то был уверен, что с самим знаменитым священником эпохи ему удастся поговорить о главном. Накануне встречи с прилежностью отличника Боря читает все, что было у него из церковной и процерковной литературы, формулирует вопросы... Но в час икс отец Иоанн быстро проносится мимо Зайцева, стоящего вместе с одноклассниками вдоль стен училища, и никакого внимания на юношу не обращает, тем более уж ни о чем не спрашивает.

А если бы один взгляд, хотя бы слово! Возможно, Зайцев не потерял бы два десятка лет в попытках создавать русскую литературу вне православия.

И раз уж мы говорим о Калуге, то важно заметить, что именно на этом городе сошлись уже личные линии Зайцева – как русского человека и как писателя. О своей жизни в Калужской области, а это 16 лет, и Калуге в частности он будет много писать уже после вонцерковления. То есть получит возможность через ту самую невесомую будаковскую радугу творить, и даже больше – с высоты этой радуги смотреть на Россию.

Калугу Зайцев и ругал, и восхвалялся, и даже ставил диагнозы. Как, например, вот этот: «Калуга же, являясь частью России, вместе с ней и катилась по дороге налаженной, с тяжким грохотом и громоздкостью старомодного экипажа, кучер которого и сидящие в нем не замечают его старомодности». Но свой первый город Зайцев любил и описал практически каждыйметр его центральных улиц, каждый дом и его обитателей, артистов и врачей, губернатора и учителей, священников и просто вечно веселящихся девиц и мужчин, об

«ЗАЙЦЕВ УСПОКОИТ МИР»

Сергей ФЕДЯКИН, писатель, литературовед:

–Принято считать, что Зайцев для себя выбрал православный путь после эмиграции. На самом деле, это было внутри у него всегда, только вначале это было все размазано, его неслучайно пантеистом называли, но уже в ранней его прозе есть ощущение свечения мира. Просто все это в эмиграции вполне определилось. Там за границей русские писатели вообще стали более русскими, чем когда жили в России. Оказавшись там, они историю страны, ее прошлое стали видеть иначе. Они начинают видеть замечательное в том, что было раньше для них обыденным. Дальше – следующий шаг, и кто куда пошел, но Зайцев стал все глубжеходить в века, к корням России и православия, потому что история страны и православия – это единое целое. Если заниматься историей глубоко, то пройти мимо православия невозможно. И Зайцев пришел к Святой Руси и больше уже оттуда, в общем-то, не уходил. Он стал проводником по Святой Руси.

Зайцев очень много писал в газеты, особенно в «Возрождение», с которой много сотрудничал, но помимо того, что он словом показывал такой идеал русского чело-

века, он еще и в жизни всегда был таким. Воспоминания его современников все очень сходны: это был очень отзывчивый человек и очень смиренный. Он много лет ухаживал за своей женой Верой, которую разбил паралич. И не отходил от жены до самой ее смерти. В то же время он хлопотал за других. Да и в принципе, это опять же многие вспоминают, что если, допустим, на каком-то вечере или в редакции начинается спор и вдруг входит Зайцев, то все сразу замолкают и перестраиваются на другую волну. То есть он такой миротворец. Это факт. Его книги – это

тоже, по сути, миротворчество. Это как бы из него излучалось.

Зайцев на протяжении всей своей жизни успокаивал своих современников, а через них весь остальной мир. Он такой успокаительный писатель – это его особое качество и главное достоинство, которое нам сейчас было бы тоже полезно.

Зайцеву удалось через свои произведения показать единство мира – оно светится сквозь его прозу, этого ощущения нынешнему миру тоже не хватает, мир сейчас не чувствует своего единства, Зайцев может дать это почувствовать. Читайте Зай-

цева. Умните. Умнеть – это значит видеть мир в многочисленных взаимосвязях, а не просто – это белое, а это красное, а это зеленое и все. Потому что тут очень важны внутренние связи всего со всем. Зайцев это, повторюсь, ощущал каким-то прозрением своим художественным.

И я думаю, что Борис Константинович скоро вернется на Родину, его книги станут востребованными, те два собрания сочинений, что вышли после раз渲ала СССР – это только начало. Когда чуть-чуть мир успокоится – через сколько-то лет – Зайцев будет очень нужен.

**ВЕРА
МОЛОДЫХ**

Борис ЗАЙЦЕВ

ОБРАЩЕНИЕ К РУССКОМУ ЮНОШЕСТВУ

Быть может, позволительно тем, кому не увидеть уже «все небо в алмазах», т.е. «старшим», пожелать чего-то русской ищущей и горячей, даже в блужданиях своих, молодежи.

«Слава в выших Богу, и на земле мир, в человеках благоволение...» Это не только для молодежи: это для всех: «в человеках благоволение». Значит: доброе расположение.

Юноши, девушки России, несите в себе Человека, не угашайте его! Ах, как важно, что Человек, живой, свободный, то, что называется личностью, не умирал. Пусть думает он и говорит своими думами и чувствами, собственным языком, не заучивая прописей, добиваясь освободиться от них. Это не гордыня сверхчеловека. Это только свобода, отсутствие рабства. Достоинство Человека есть вольное следование пути Божию – пути любви, человечности, сострадания. Нет, что бы там ни было, человек человеку брат, а не волк. Пусть будущее все более зависит от действий массовых, от каких-то волн человеческого общества (общение необходимо и неизбежно, уединенность полная невозможна и даже грехна; «башня из слоновой кости» – грех этой башни почти в каждом из нашего поколения, так ведь и расплата же была за это), – но да не потонет личность человеческая в движениях народных. Вы, молодые, берегите личность, берегите себя, боитесь за это, уважайте образ Божий в себе и других, и благо вам будет.

Вы, молодые писатели родины, вступающие на наш путь, оглядывайтесь на великих отцов ваших, создавших истинную славу России: на золотой наш литературный век, на облики Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова – художников вольного слова, открыто-го всем сердцам, ибо братски открыты были их сердца. Ни указки, ни палки! Вольное излияние, обуздываемое лишь самим собою, проверяемое, обрабатываемое (не щадя сил, подобно тому, как работал Толстой над «войной и миром», Гоголь в Риме над «Мертвыми душами»). В тишине, незаметности возрастало великое, на раскладном столе римской комнатки Via Felice писались эти «Мертвые души», за гроши продавал Достоевский мировые свои вещи до прихода мировой посмертной славы.

Любите наше дело. Если вы писатели, для вас главное – любить писание, и самим над ним и мучиться, и радоваться, ни с кем, ни с чем не считаясь.

Вот мои слова к вам, неведомые сотоварищи, неведомое юношество России. никаких открытий, ничего необычного. Но есть правда, хоть и известная, а повторять ее следует.

Посылаю эти слова в чувство благоволения, не как поучение какое-то, а как братское обращение старшего.

ПРОДОЛЖЕНИЕ. Начало смотри на стр. 1-3

Именно Зайцев в эмиграции первым понял, что теперь им нужно прокладывать паломнические пути словом – в литературе, в газетах, и по этим путям вести эмиграцию, европейского человека, да и тех, кто «отпрянет от сна» в советской России.

(а иногда совсем не случайной) пули, думал не только о себе.

Это во многом благодаря Борису Константиновичу не умерла от голода Марина Цветаева со своей дочкой. Я упоминаю Цветаеву, потому что она тоже калужанка, но помогал Борис Константинович многим. Это одно из главных, по-настоящему человеческих и русских его качеств – сострадание и мгновенная помощь тем, кто в ней нуждается.

Прибавьте к этому спасение Зайцевыми (его жена Вера Алексеевна тоже великая русская) евреев во время оккупации, спасение писателей, помирающих от голода, спасение, наконец, светлого имени православных святынь! (об этом позже) И вот он – образ русского Зайцева дописан!

И пусть русский Зайцев, уехав из большевистской страны в 1922 году, домой больше не вернулся, но для русской

страны там, на Западе, он сделает немало.

Прежде всего, он останется верен той России, в которой вырастал в человека и писателя, верен Устам, Будакам, Людинову (где тоже жил одно время), Калуге, Москве...

И никогда не примет большевиков. Никогда не оправдает их, даже когда другие, особенно после мая 1945-го, начнут с советской Россией заигрывать. На этой волне Зайцев даже перестанет общаться с Буниным, который еще вчера клеймил большевиков пуще всех остальных эмигрантов, а получив от них предложение вернуться и издать собрание сочинений – всерьез задумался. И замолчал.

Зайцеву, говорят, тоже предлагали вернуться. Скорее всего, это слухи, да и не могло быть в земной миссии такого человека, как Борис Константинович, такого пункта. Он сам возвращал Россию в Советский Союз и в

просто хотел показать положительное – вот этому сегодня как никогда надо учиться.

Наконец, у Зайцева можно учиться его любви к России. Его слова: «У кого есть настоящая Родина, тот не ниц». То есть ниц тот, у кого Родины нет, который сейчас – в России, завтра – в Швеции, послезавтра где-то в Шри-Ланке и так далее. Богат тот, кто любит Родину свою – и большую, и малую. Мы сейчас много говорим о патриотизме – вот этим патриотическим качествам, чувствам надо учиться у Зайцева.

Но сможем ли мы усвоить зайдевский урок? На мой взгляд, сломалась очень важная доминанта и опора – и личностная наша, и государственная – сломалось уважение к духовным ценностям, а на их место пришли ценности материальные.

Вначале надо думать о духовном все-таки, потом и материальное положение устроится, но оно пойдет другим путем, не грабительским, не через равнодушие. Сломалось что-то в нас, и восстановить это будет трудно теперь. А если все-таки захотим восстановить, то у Зайцева много ответов на вопрос, как это сделать.

«ЧЕМУ УЧИТЬСЯ У ЗАЙЦЕВА»

Анатолий ЧЕРНИКОВ

советский и российский литературовед:

–Вы знаете, Маяковский сказал: «Я знаю силу слов», а вот Зайцев знал не только силу, он, прежде всего, знал тайну слов, и поэтому его письмо, пожалуй, ни с каким другим не спутаешь, это авторская речь, сугубо авторская, всегда там главный герой – автор.

Зайцев – крупная величина в русской литературе, он создатель лирической и лирико-философской прозы в литературе XX века в целом. От Зайцева и традиции идут: великий наш Пушкин ведь очень

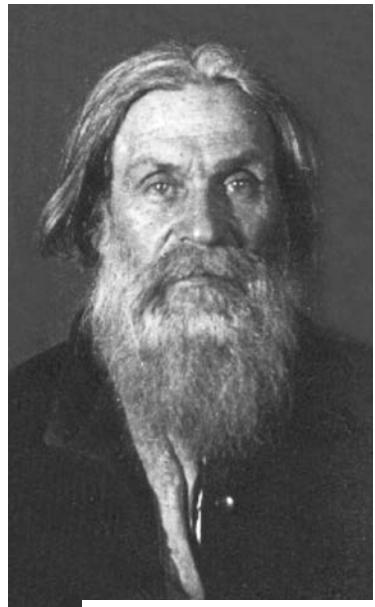
точно сказал, что поэт и вообще писатель остается во времени не только своими произведениями, но и тем, кто будет продолжать его традиции. Традиции Зайцева существуют, несмотря ни на что.

Некоторые говорят: Зайцев – такой камерный. Но как посмотреть. Если с традиционной точки зрения, у него, конечно, не найдешь ни погонь, ни перестрелок. Это тихая проза. Людей, которые привыкли читать детективы – закрученные сюжеты и так далее, – Зайцев может не привлечь. Вообще, таким читателям нечего делать

рядом с Зайцевым, просто не надо открыть даже, я считаю.

Он говорил тихо, но ведь очень часто тихий разговор воздействует больше, чем громкие крики, а Зайцев говорил так тихо, как может только любимый объясняться своей девушке – тихо, нежно, проникновенно – этому стоит учиться у Зайцева. Стоит учиться и его языку – блестящему. Учиться отношению к людям, а он уважал людей! У него практически нет отрицательных образов, герои его светлые все, не потому, что он не видел в людях темное, он

**Священномученик
Иоанникий (ДМИТРИЕВ,
1875–1937)** – архимандрит,
последний настоятель
Мещовского монастыря

Иван Алексеевич Дмитриев родился в 1875 году в деревне Редкие дворы Московской губернии, в семье крестьянина; в их семье было пятеро детей. В течение трех лет Иван зимой ходил на дом к учителю и обучался грамоте, летом пас скотину на пастбище.

© monastery.ru

настыря был назначен настоятелем мещовского собора. В октябре 1932 года власти арестовали в городе Мещовске девятнадцать человек, из них одиннадцать — монахов и монахинь. Игумен Иоанникий был заключен в тюрьму города Брянска.

15 марта 1933 года Тройка ОГПУ приговорила игумена Иоанника к ссылке в Северный край на 5 лет. По возвращении из ссылки он был возведен в сан архимандрита и направлен служить в Николо-Козинский храм в Калуге. Осенью 1937 года власти арестовали архимандрита Иоанника вместе с архиепископом Августином и группой духовенства Калуги.

Следователь: Вы арестованы за активную контрреволюционную деятельность. Следствие предлагает вам по этому вопросу дать откровенные показания.

Игумен Иоанникий: Я среди духовенства и верующих неоднократно высказывал недовольство советской властью, обвиняя ее в том, что в результате ее политики по всему Советскому Союзу по требованию советской общественности закрылись церкви, кроме этого я говорил о том, что советская власть несправедливо проводит репрессии в отношении бывших людей... и духовенства.

При этом отец Иоанникий отказался признавать себя виновным в контрреволюционной деятельности и оговаривать других.

Отца Иоанника приговорили к высшей мере наказания.

**Священномученик
митрополит ФЕОФАН
(ТУЛЯКОВ)**

Владыка Феофан (в миру Туляков Василий Степанович) родился в 1864 году. Имея

Священномученики Августин Беляев, Иоанн Сперанский, преподобноисповедник Никон (Беляев) – эти имена знают практически все верующие калужане. Тема новомучеников и исповедников Русской Церкви

последние 30 с лишним лет не замалчивается, исследователи изучают архивы, священнослужители по крупицам восстанавливают историю своих приходов, во многих из которых были пострадавшие и убитые за веру или священники, или прихожане. Все чаще о новомучениках говорят и иерархи РПЦ. Действительно, ХХ век дал нам такое количество святых, что, пожалуй, напрашивается сравнение с первыми веками христианства.

1922 год (то есть ровно сто лет назад) – особая цифра в календаре большевистских гонений. Именно в этот год повсеместно стали изымать церковные ценности. Как недавно напомнил преподаватель кафедры исторических и церковно-практических дисциплин Калужской семинарии протодиакон Сергий Комаров, официальным поводом для реализации кампании стал голод 1921 года, унесший жизни от 15 до 30 миллионов человек. Большевики решили воспользоваться этой народной бедой, чтобы уничтожить или значительно ослабить Русскую Православную Церковь.

В Калужской губернии сотни верующих были репрессированы, храмы разграблены, причем глубокий урон был нанесен культурному наследию русского народа, безвозвратно были утрачены памятники церковно-прикладного искусства, обезображенены храмы, осквернены святыни.

Редакция «Веры молодых» присоединяется к широкому обсуждению данной темы и публикует несколько историй о тех, кто был убит безбожной властью – о новомучениках и исповедниках нашей Церкви, живших в разных местах Калужской области (в ее нынешних границах). Но, подчеркнем, все это лишь небольшие истории, мы же призываем наших читателей заняться изучением истории новомучеников и исповедников, мы с радостью опубликujemy ваши материалы на эту тему – бесспорно, важную для каждого из нас.

ИХ ПОДВИГ И СЕГОДНЯ СПАСАЕТ НАС

с детства стремление служить церкви Божией, он по совету и благословению митрополита Московского Макария поступает в 1883 году в семинарию, затем продолжает образование в Санкт-Петербургской академии, которую заканчивает в 1889 г. кандидатом богословия.

На выбор дальнейшего жизненного пути будущего архиерея заметное влияние окказал Феофан Затворник. Вот что писал он в одном из своих писем: «Судя по порывам сердца Вашего, можно признать, что Господь зовет Вас в монахи... Если же с принятием монашества у Вас соединяется что-нибудь постороннее, то лучше в монашество совсем не постригаться, а жить в миру и стремиться быть искренним христианином». Внимая совету Вышенского подвижника, выпускник академии уезжает в деревню, в имение своей матери, где в свободное от сельскохозяйственных работ время пребывает в молитве и аскетических трудах.

Через 15 лет исполняются слова святителя Феофана: «Если сердце Ваше будет хранить рвение к нашей жизни, то вступление в нее будет благотворно для Вас». В 1905 г. в Александро-Невской

лавре совершаются постриг, и послушника нарекают именем Феофан в память Вышенского затворника.

В одном из писем, полученных от Феофана Затворника, было написано: «Ведайте, что архиерейство дается по особому промыслу Божию...» И вот приходит время исполниться этим словам. В 1915 г. совершается епископская хиротония. И в следующем году Калуга встречает преосвященного Феофана в качестве правящего архиерея.

Труды молодого архиепископа пришли на страшное, переломное время. Осквернен Лаврентьев монастырь. В его стенах «разместились школа, детский сад, ясли, библиотека, общежитие». Губернское большевистское начальство лично руководит захватом Тихоновой пустыни. В документах тех лет говорится: «Всех старцев убогих повыгоняли», «в чем кто был одет, а белья давали по одной паре». И это в середине октября.

Очевидец вандализма записал: «Иконостас же разбирали, не снимая шапок, работали с ненужением, много резьбы, рам, позолоты попортили, а изображения святые, по приказанию

местного комиссара, закрашены красками». В это же время за «проповеди, очень активные и страстные...» арестован, присужден к расстрелу» архимандрит Георгий (Лавров), настоятель Георгиевского монастыря в Мещовске. В такие страшные дни судил Господь владыку Феофану управлять церковным кораблем.

В это же время к врагу внешнему присоединяется враг внутренний: в Калуге образуется обновленческая епархия, просуществовавшая до 1939 г. Владыка Феофан за годы своего пребывания в Калуге, пережил пятерых обновленческих лжеархиереев.

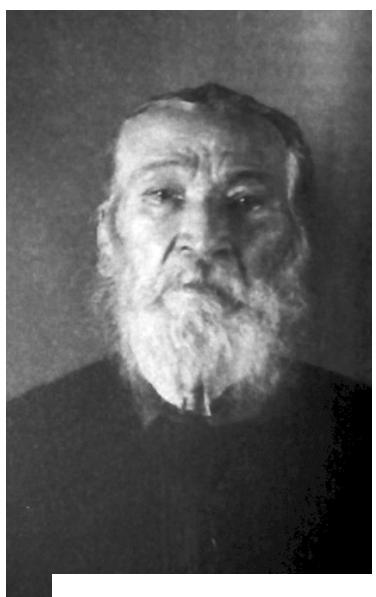
Продолжаются репрессии против духовенства, печально знаменитая 58-я статья приводит многих на скамью подсудимых. Из материалов ФСК по Калужской области можно заключить, что в довоенные годы было репрессировано около 500 священно- и церковнослужителей.

Жребий исповедничества приходит к святителю в 1937 году, когда, став митрополитом, он переезжает в Нижний Новгород. Современный исследователь пишет о последних днях жизни священномученика: «Летом и осенью 1937 года прошли массовые

аресты священнослужителей и мирян. 25 июля 1937 года митрополит был арестован и помещен в спецкорпус Нижегородской тюрьмы. Сразу же после ареста митрополита стали подвергать жестоким пыткам. Его поместили в подвалную камеру, которую заливали водой.

Как всегда во время гонения на Церковь, власти обвиняли православных в политических преступлениях, и как всегда – вымышленных. Митрополит обвинялся в том, что он будто бы «проводил активную контрреволюционную деятельность, направленную на свержение Советской власти и реставрацию капитализма в СССР».

21 сентября 1937 года Особой Тройкой областного управления НКВД митрополит Феофан был приговорен к расстрелу, и 4 октября приговор был приведен в исполнение.

Преподобномученик Исаакий Оптинский (Бобрakov, 1865–1938) – архимандрит, последний настоятель старой Оптины пустыни.

Родился архимандрит Исаакий (в миру Иван Николаевич Бобрakov) в 1865 году в селе Острог Малоархангельского уезда Орловской губернии, в крестьянской семье. Родители его были благочестивыми и глубоко верующими людьми. Иван в 1884 году поступил в Оптину пустынь еще при жизни преподобного старца Амвросия.

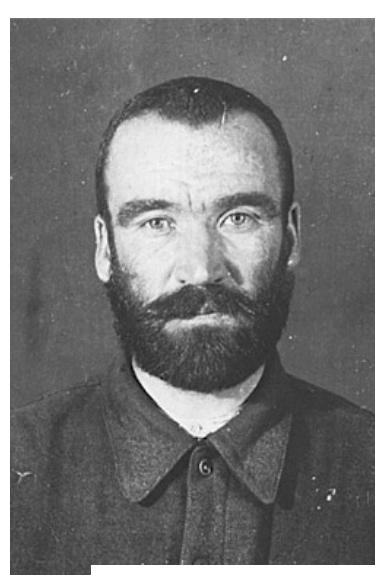
Архимандрит Исаакий Второй принял обитель под свое управление после кончины настоятеля архимандрита Ксенофонта (+30 августа 1914 г.). На его долю досталось самое тяжелое в истории Оптины время – Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции 1917 года и затем гонения на Церковь.

Архимандрит Исаакий вместе с братией испытал все те скорби, которые обрушились на них врачи православной веры и Церкви. Он переносил их с мужеством непоколебимого в вере монаха. Не отступая ни на шаг, не прячась от гонителей, он показывал пример исповедничества. После «разгона» монастыря продолжал скромно жить в Козельске и его окрестностях. В то время оптинские монахи, шамординские монахини на все брали у него

благословение. Когда власти, грозя ему смертью, предложили куда-нибудь уехать, отец Исаакий ответил: «От креста своего не побегу».

Он несколько раз был арестован, получал злобные предупреждения и, наконец, приобщенный к фальшивому делу о контрреволюционной деятельности подпольного монастыря в городе Белеве, был приговорен к расстрелу тройкой УНКВД по Тульской области 30 декабря 1937 года.

Приговор был приведен в исполнение 8 января 1938 года, в день Собора Пресвятой Богородицы. Расстрелянного вместе с другими мучениками, его тайно захоронили в лесу на 162-м километре Симферопольского шоссе.

Святой мученик АЛЕКСИЙ (ГОРБАЧЕВ, 1892–1937) – псаломщик церкви святителя Николая Чудотворца в селе Муромцево Калужской губернии.

Алексей Григорьевич – сын крестьянина д. Курковское Перемышльского уезда Калужской губернии, родился 5 (18) февраля 1892 года, окончил Обуховскую церковно-приходскую школу в 1903 году.

С 12 февраля 1911 года состоял трапезником в храме в честь иконы Божией Матери, именуемой «Всех скорбящих Радость», при Инвалидном доме Губернского земства (ул. Герцена, 34, сейчас здесь находится аграрный колледж), и в храме святого благоверного князя Александра Невского при Хлюстинских боюгудных заведениях (ул. Никитина, 66, в настоящее время 4-я городская больница, домовый храм сохранился, в нем размещается отделение неврологии). Получив в 1914 году 16 марта место псаломщика церкви Николая Чудотворца, переехал с женой из Калуги в село Муромцево.

Служил в храме села Муромцева до его закрытия. Осенью 1937 г. был арестован. Допрошенный по обвинению в контрреволюционной деятельности, Алексей Григорьевич виновным себя не признал, даже под угрозой расстрела его сына Николая. Алексея Григорьевича приговорили к высшей мере наказания.

По материалам СМИ и приходских сайтов.

А ВОТ ТЕПЕРЬ СИДИ И СЛУШАЙ

ФРАГМЕНТ ОЧЕРКА БОРИСА ЗАЙЦЕВА «ОПТИНА ПУСТЫНЬ»

Мы вновь возвращаемся к текстам Бориса Зайцева. На этот раз – публицистическим. В своих статьях он постоянно переживал, что на Родине творили с храмами и священнослужителями большевики. Но в то же время Зайцев был всегда уверен, что большевики уйдут, а святыни возводятся. В своем очерке «Оптина пустынь», написанном в 1929 году для газеты «Возрождение», он уверенно пророчествует, что калужская святыня Оптина пустынь ушла «на дно таинственного озера – до времени».

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

К

огда я был ребенком, мы жили в Жиздринском уезде Калужской губернии, в селе Усты. На лето выезжали иногда в имение отца под Калугу, на Оку. Ездили на лошадях с коромыслами и отдыхали в пути с медлительною основательностью прошлого. Правда, в этой основательности было и такое вхождение в Россию, такая жизненная с ней близость, какой не могут дать быстрые передвижения. И вот сейчас – через столько лет! – как живые видишь Брынские леса, березы большака под Козельском, осенние зеленя у Перешибля.

Отправлялись обычно с утра, очень рано. В Сухиничах «кормили», т.е. останавливались в грязной гостинице на базарной площади и давали отдых лошадям. Подкреплялись и сами захваченной из дома снедью. Часа через три тройка уже вновь запряжена, опять большак и опять справа синеют леса, слева поля, иногда проезжаем мимо имений – впереди, к вечеру, Козельск.

В Козельске ночевали. Этот городок мне всегда нравился – Сухиничи и Перешибль просто захолустье, убожество, тоска уездного городишко, но в Козельске лучше и поэтичней: много церквей, зелени, все понарядней, чудесный луг по Жиздре, а за нею бор, в нем знаменитый монастырь – кажется, купола его видны из Козельска.

Какое-то свое действие на Козельск Оптина пустынь имела, я уверен. Или, может быть, и возникла около него не случайно – Козельск древний, благородный городок, некогда геройски отбивавший татар (помнится, там была даже княгиня-мученица). Так что это Русь вековая, прославленная. Около лабазов Сухиничей монастырь не возник бы.

Наша семья не была религиозна. По тому времени просвещенные люди, типа родителей моих, считали все «такое» суеверием и пустяками. Так что ребенком, не раз проезжая в двух-трех верстах от Оптины, я ни разу ее не посетил.

Но в Устах водилось у меня много приятелей, разных Савосек, Масеток, Романов, да и нянюшки Дашеньки, кухарки Варвары не раз рассказывали об Оптии и удивительном

старце Амвросии. Наши бабы из Устов ходили к нему за советами, слава его была очень велика, текла самотеком, из уст в уста, без шума, но с любовью. Знали, что, если в жизни недорумение, запутанность, горе – надо идти к о. Амвросию, он все разберет, утишит и утешит.

***

Все это происходило так ужасно давно! Место, где прошло мое раннее детство, я не видел десятки лет. Жизнь изменилась безмерно. Вероятно, нет нашего белого двухэтажного дома в Устах, ничего не осталось от усадьбы в Будаково, под Калугу, куда мы ездили. Через Сухиничи давно прошла железная дорога, и никто не ездит более «на долгих». Козельск, наверно, все такой же... Оптиной... просто нет.

Всю горечь, всю тяжесть неравной борьбы за нее пришлось вынести старцам Анатолию и Нектарию – могиканам оптинской династии. Революция надвигалась – злобная, бешено-разрушительная. Оптина пустынь погибла, т.е. здания существуют, но их назначение иное. Место, где бывал Гоголь, куда приезжали Соловьев и Достоевский, где жил Леонтьев и куда наведывался сам Толстой, – ушло на дно таинственного озера – до времени. В новой татарщине нет места Оптии. – Вокруг, по лесам Брынским, по соседним деревушкам, таятся бывшие обитатели обители. Появились в окрестностях и новые люди – православные из Москвы, художники, люди высокой культуры, селятся вблизи бывшего монастыря, как бы пытаются его подземным светом. Собирают и записывают черты высоких жизней старцев, некоторые работают, есть и такие, кто приезжает на лето из города, как бы на дачу. Мне недавно пришлось у знакомых читать описание пасхальной ночи – оттуда. Как сияла огнями сельская церковь за рекой, как река разлилась и надо было в лодке плыть к заутрене – я знаю и сам, как черны эти ночи пасхальные у нас в деревне, как жгут звезды, как плывут, дробятся отражения плошек и фонариков в реке, как чудно и таинственно – плыть по воде святою ночью.

Далекий разлив, тьма, благовест... Да воскреснет Бог и да расточатся враги Его.

БЕРДА
МОЛОДЫХ

